

A manga-style illustration of a young man and woman in a close embrace. The man, on the left, has short brown hair and is wearing a dark jacket. The woman, on the right, has long blonde hair and is wearing a dark, off-the-shoulder top. They are looking at each other with a soft expression. The background is a cloudy sky.

Сергей Патрушев

Петля времени

Сергей Патрушев

Петля времени

<https://litres.ru/74393369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой маг-теоретик Олег семь лет одержимо искал формулу Абсолютного Времени, но все его попытки заканчивались провалом. Однажды, выбравшись из лаборатории, он встречает свою подругу Аню и случайный разговор о травах наталкивает его на гениальную догадку. Теперь у него есть рабочее уравнение, способное отматывать время вспять.

Первые успехи опьяняют: исправленные ссоры, спасённые растения, выигранная лотерея. Каждое вмешательство рождает новую ветку реальности и вскоре мир начинает трещать по швам. Исчезают города, небо становится багровым, а из разломов тянет пустотой.

Когда Аня исчезает, Олег понимает: чтобы спасти её и реальность, придётся заплатить цену, к которой он не был готов. Хронофантастика о цене всемогущества и силе памяти, способной удержать распадающийся мир.

Содержание

Глава 1. Уравнение невозможного	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Патрушев

Петля времени

Глава 1. Уравнение невозможного

Тишина, царившая в лаборатории, не была той обычной, бытовой тишиной, которая наступает в доме, когда его обитатели отходят ко сну или покидают помещение, — нет, это была совершенно особая, концентрированная, вязкая и почти осязаемая субстанция, сотканная из мельчайших частиц вековой пыли, осевшей на кожаных корешках бесчисленных фолиантов, из тяжелого, сладковатого запаха старой бумаги, смешанного с ароматами высушенных трав и корней, развешанных под потолком, а также из мертвого, неподвижного груза несбывшихся надежд и нереализованных амбиций, которые, казалось, пропитали сами стены этого мрачного помещения.

Олег сидел за массивным дубовым столом, который, вероятно, помнил еще времена его прадеда, и этот стол был завален таким количеством пергаментов, свитков, разрозненных листов бумаги и испещренных разноцветными чернилами схем, что вся эта груда больше походила на хаотическое

наследие какого-то безумного картографа, пытавшегося нанести на бумагу несуществующие земли, чем на рабочее место уважаемого ученого, претендующего на звание мага-теоретика.

Солнечный луч, которому каким-то чудом удалось пробиться сквозь мутное, давно не мытое и заросшее изнутри тонким слоем жирной пыли окно, разрезал полумрак комнаты наискось, словно острое лезвие невидимого ножа, и в этом столбе света, трепещущем и переливающимся, кружились мириады микроскопических пылинок, которые в своем безмолвном, непрерывном танце напоминали крошечные планеты, заключенные в свою собственную, никому не подвластную и никому не видимую вселенную, существующую по законам, неведомым человеческому разуму.

Олег смотрел на этот безмолвный, почти гипнотический танец пылинок, и в его груди, где-то глубоко под ребрами, в том самом месте, где, как ему казалось, должна была находиться душа, росло и ширилось, расползаясь по всему телу, знакомое, но от этого не менее мучительное чувство, которое он уже давно научился распознавать безошибочно. Нет, это не было отчаяние в чистом виде — отчаяние было его давним соседом, почти другом, с которым он сжился настолько, что перестал замечать его присутствие, как перестают замечать тиканье часов в тихой комнате.

Это было нечто другое, гораздо более острое, едкое и разъедающее изнутри — это было чувство тотального, всепоглощающего, вселенского бессилия, которое накатывало на него волнами всякий раз, когда очередная гипотеза рассыпалась в прах, а очередной эксперимент заканчивался ничем. Он потратил семь лет — семь долгих, наполненных непрерывным трудом лет своей юности, своего здоровья, своей жизни, — на погоню за миражом, за призрачной, ускользающей формулой, которой, как ему теперь начинало казаться, попросту не существовало в природе вещей. «Уравнение Абсолютного Времени» — звучит как название дешевого бульварного романа, который могла бы читать какая-нибудь скучающая барышня, мечтающая о тайнах мироздания, но не готовая постичь их сложность.

И он, Олег, двадцатипятилетний гений, признанный самородок, надежда теоретической магии, человек, которого профессора называли не иначе как будущим светилом науки, превратился в одержимого затворника, в человекоподобного крота, который не видит ничего, кроме своих бесконечных записей, формул и схем, и который окончательно потерял связь с тем миром, ради познания которого, по идее, и затевал все эти изыскания.

Взгляд его, оторвавшись от танцующих в солнечном лу-

че пылинок, медленно и словно нехотя скользнул по стопке трактатов по алхимии, которые громоздились у самого края стола, угрожая в любой момент обрушиться на пол и похоронить под собой все его труды. «Ключ к Изначальному Свету», «Турба философов», загадочный и мрачный «Mutus Liber» — немая книга, которая, по преданию, содержала в себе всю мудрость древних, но отказывалась говорить с непосвященными, — все эти названия говорили сами за себя, свидетельствуя о том, насколько глубоко он погрузился в пучину эзотерических знаний в своей отчаянной попытке найти ответ. Гербарии с засушенными цветами, травами и кореньями, аккуратно разложенными по страницам, соседствовали с запыленными баночками, в которых плавали в мутном растворе заспиртованные части существ, о которых в приличном обществе не принято было упоминать даже шепотом, — тут были и корень мандрагоры, выкопанный по всем правилам, в полнолуние, с соблюдением древних ритуалов, и корень аира, и лепестки черной розы, собранные на рассвете при определенном положении звезд.

Все это — инструменты, ингредиенты, ключи к двери, которую он так и не смог отпереть, несмотря на все свои знания, упорство и потраченные годы. Схемы запретных ритуалов, переписанные его собственной рукой с древних манускриптов, с многочисленными пометками и исправлениями на полях, испещряли стены лаборатории, покрывая их при-

чудливой вязью кругов, пентаграмм и рун, которые, сливаясь в единый хаотический узор, создавали впечатление, что находишься не в рабочем кабинете, а в некоем древнем святилище, где вот-вот должно произойти нечто таинственное и, возможно, страшное. Все это было попыткой упорядочить хаос, наложить узду на то, что по определению не может быть управляемо, попыткой рационального ума постичь иррациональное, и именно эта обреченная на провал попытка и сводила его постепенно с ума.

Он резко поднялся из-за стола, и это резкое движение, вызвавшее приступ головокружения и легкую тошноту, заставило его на мгновение покачнуться и ухватиться за край столешницы, чтобы не упасть. Сколько он уже не был на улице, не видел солнечного света, не дышал свежим воздухом? Три недели? Месяц? А может быть, и того больше, потому что время в этой берлоге, отгороженной от всего мира плотными шторами и заваленной книгами, текло по своим собственным, извращенным законам, подчиняясь не астрономическим циклам, не восходам и закатам, а исключительно ритму его лихорадочной, изматывающей работы и столь же лихорадочных провалов в беспамятство тяжелого, не приносящего отдыха сна.

Он смутно помнил, что последней каплей, переполнившей чашу его терпения и заставившей его хотя бы на мгно-

вание задуматься о том, что он делает со своей жизнью, стало письмо от Ани. Письмо было коротким, всего на полстраницы, но каждое слово в нем жгло его, как каленое железо, оставляя на душе невидимые, но болезненные ожоги. Она писала, что беспокоится о нем, что не может до него достучаться уже несколько недель, что его опыты пугают ее, потому что она видит, как он меняется, как угасает в его глазах тот живой огонек, который она так любила в нем. И — что было самым страшным, самым невыносимым для его самолюбия — она писала, что начала сомневаться в том, что он вообще еще жив, что она уже не знает, обращаться ли ей в городскую стражу или вызвать священника для отпевания.

Аня. Её имя прозвучало в его затуманенном сознании, как выстрел в абсолютной тишине библиотеки, как гром среди ясного неба, и от этого звука он вздрогнул, словно его ударили. Его единственный друг, его совесть, его последняя ниточка, связывающая его с миром обычных людей, с миром, где светит солнце, где люди смеются и плачут, где жизнь течет своим чередом, не подчиняясь никаким формулам и уравнениям.

Она всегда верила в него, даже когда он сам переставал верить, даже когда все вокруг считали его безумцем и отщепенцем. Она приносила ему еду, когда он забывал о ней, вытаскивала его из лаборатории на редкие прогулки, заставля-

ла смеяться, когда мир казался черно-белым, и одним своим присутствием возвращала ему вкус к жизни. И вот теперь она, с ее неиссякаемым оптимизмом, с ее верой в людей и в него лично, начала сомневаться. Это означало только одно: он действительно зашел слишком далеко, и его падение в бездну одержимости достигло той критической точки, за которой может последовать окончательное и бесповоротное безумие.

Он подошел к окну, ступая по заваленному бумагами полу, и, не выдержав больше этого давящего, удушливого полумрака, резким движением рванул задвижку, которая, казалось, за годы его затворничества намертво прикипела к раме. Окно с протестующим, душераздирающим скрипом, от которого у него заложило уши, распахнулось, и в помещение, словно живое существо, ворвался поток свежего, пьянящего, напоенного весенними ароматами воздуха, который разогнал стоялую атмосферу лаборатории. Воздух был пропитан запахами пробуждающейся природы: мокрой, оттаявшей после зимы земли, набухающих и лопающихся почек на деревьях, какой-то неуловимой, едва уловимой сладостью, источник которой он не мог определить.

Легкие, отвыкшие от такого богатства, от такого обилия кислорода, обожгло, и он закашлялся, согнувшись пополам, но этот кашель был очищающим, выгоняющим из организма

всю ту затхлость, что накопилась в нем за время добровольного заточения. Впервые за долгое, бесконечно долгое время он увидел небо — не жалкий кусочек его в мутном стекле, а огромное, бездонное, пронзительно-голубое небо, раскинувшееся над городом, как гигантский шатер. Белые, кудрявые, похожие на небрежно разбросанную вату облака, словно величественные парусники, неторопливо и величественно плыли по этой безбрежной синеве, и их движение было исполнено такого спокойствия и такой уверенности, что Олег на мгновение позавидовал им.

Этот разительный контраст между его подземельем, его могилой, в которой он сам себя похоронил, и этим бескрайним, светлым простором был настолько разителен, настолько ошеломляющ, что Олег на мгновение зажмурился, словно боясь ослепнуть.

Именно в это мгновение, стоя у распахнутого окна, вдыхая полной грудью весенний воздух и ощущая, как солнечные лучи ласкают его бледное, изможденное лицо, он принял решение. Решение это было бессознательным, почти инстинктивным, продиктованным не разумом, а каким-то древним, животным инстинктом самосохранения. Нужно уйти. Уйти отсюда, из этой давящей атмосферы, из этого царства мертвых книг и несбывшихся надежд.

Проветрить не только комнату, но и голову, выветрить из нее ту паутину, которой она заросла за годы безуспешных поисков. Он не был настолько наивен, чтобы думать, что прогулка решит все его проблемы и откроет ему ту самую формулу, которую он так долго искал. Нет, он прекрасно понимал, что это не панацея. Но сидеть здесь и дальше, сходить с ума от одного и того же вида стен, от одних и тех же нерешаемых уравнений, от одного и того же гнетущего ощущения собственной никчемности, было смерти подобно. Ему нужен был другой воздух, другой свет, другая, пусть даже иллюзорная, перспектива, чтобы хотя бы на мгновение взглянуть на свою проблему со стороны.

Он накинул на плечи старый, выцветший, местами протершийся до дыр плащ, который висел на спинке стула, и, не оглядываясь, покинул лабораторию, оставив после себя распахнутое окно и ворох бумаг. Дом встретил его привычной тишиной, но теперь, после того как он вдохнул свежего воздуха, эта тишина казалась не гнетущей, не давящей, а просто пустой, лишенной какой-либо жизни. В комнатах, заставленных книгами, артефактами и покрытыми пылью предметами, царил полумрак, и витала атмосфера заброшенности и запустения.

Он не был в гостинной, наверное, с прошлого Нового года, и вид этой комнаты, некогда уютной и гостеприимной, а те-

перь напоминающей склад забытых вещей, вызвал в его душе укол сожаления. Его путь лежал через переднюю, к входной двери, которая, казалось, была единственным порталом между его миром и миром внешним. Замок поддался не сразу, словно сопротивляясь, словно не желая выпускать своего пленника на свободу, но Олег, приложив усилие, все же заставил его открыться, и дверь с тяжелым скрипом отворилась, впуская в дом яркий дневной свет.

Он шагнул на крыльцо, и яркий солнечный свет, отражаясь от белых стен домов и от мокрой после недавнего дождя мостовой, ослепил его. Он застыл на мгновение, как дикий зверь, впервые выбравшийся из своей норы, привыкая к новому, непривычным условиям. Мир был слишком ярким, слишком громким, слишком живым, и это буйство красок и звуков обрушилось на него всей своей мощью, оглушая и дезориентируя. Его родной городок, утопающий в зелени распустившихся деревьев и цветущих кустов, лежал перед ним как на ладони, и он, казалось, видел его впервые. Красные черепичные крыши домов, блестящие на солнце, словно покрытые лаком, узкие, извилистые улочки, по которым спешили куда-то люди, звонкие, радостные голоса детей, играющих на лужайке, — все это было чужим и далеким, но в то же время странно притягательным, манящим к себе, обещающим нечто такое, чего он был лишен все эти годы.

Он шел по улице, опустив голову и стараясь не встречаться ни с кем взглядом, потому что чувствовал, что выглядит диковато и странно: бледный, небритый, с всклокоченными волосами, в помятом, выдавшем лучшие времена плаще, он наверняка производил впечатление человека, сбежавшего из лечебницы для умалишенных. Наверняка соседи судачат за его спиной, перешептываются, указывая на него пальцами, — чужак, который живет в старом доме и занимается чернокнижием, слывет колдуном и отшельником. Но ему было все равно, что о нем думают эти люди, — его цель была не в городе, не среди этих любопытных взглядов и перешептываний.

Он шел к окраине, туда, где городская мостовая сменялась пыльной проселочной дорогой, ведущей к лесу, к тому самому лесу, который он так любил в детстве и о котором совершенно забыл за годы своего затворничества. Там, за городской чертой, за последними домами и огородами, началась настоящая природа, та самая, которая не подчиняется никаким законам, кроме своих собственных, и которая, возможно, единственная могла дать ему ответы на мучившие его вопросы. Дорога была пустынной, лишь изредка по ней проезжали телеги, запряженные лошадьми, и возницы с любопытством поглядывали на одинокого путника, бредущего по обочине.

Олег шел размеренным шагом, впитывая в себя каждый звук, каждый запах, каждое ощущение, наслаждаясь этим простым, но таким забытым чувством движения. Щебетали птицы, по-весеннему громко и радостно, словно соревнуясь друг с другом в искусстве пения. Где-то в кустах у дороги трещали кузнечики, и их монотонное стрекотание сливалось с шелестом травы, создавая неповторимую симфонию природы. Свежая, ярко-зеленая трава еще не успела покрыться пылью, и от нее исходил густой, пряный, пьянящий аромат, который кружил голову и заставлял дышать глубже.

Постепенно, шаг за шагом, он перестал чувствовать себя чужаком в этом мире, перестал быть тем затворником, который боится солнечного света и людских взглядов. Усталость, накопившаяся за месяцы непрерывной работы, начала отпускать, ослабевая, как туго натянутая струна, которую наконец-то ослабили, уступая место какому-то давно забытому умиротворению и спокойствию. Он дышал полной грудью, наслаждаясь каждым вдохом, и голова его прояснялась, освобождаясь от той липкой паутины мыслей, которая опутала ее за время работы.

Задачки, которые казались неразрешимыми, отступали на второй план, переставали давить на виски, словно растворяясь в этом чистом, прозрачном воздухе. Он просто шел, наслаждаясь движением и покоем одновременно, и это было

лучшее чувство, которое он испытывал за последние годы.

Лес встретил его прохладой и зеленоватым полумраком, который после яркого солнечного света казался особенно густым и таинственным. Под высокими кронами вековых деревьев, смыкающихся над головой в плотный шатер, царил прохладный, влажный сумрак, пронизанный отдельными столбами света, которые, словно прожекторы, выхватывали из темноты отдельные участки лесной подстилки. Земля была усыпана толстым слоем прошлогодней листвы, мягкой и пружинящей под ногами, и каждый его шаг сопровождался тихим шуршанием, которое эхом отдавалось в тишине леса.

Тишина здесь была совершенно другой, не похожей на ту, что царила в его лаборатории, — не мертвой, не гнетущей, а наполненной жизнью, движением, скрытыми от глаз процессами. Шорох листвы, стук дятла где-то вдалеке, едва уловимый скрип старого дерева, переговаривающегося с ветром, — все эти звуки сливались в единую, гармоничную мелодию, которая успокаивала и убаюкивала. Он шел все дальше и дальше, углубляясь в чащу, не разбирая дороги, и казалось, что сама тропа ведет его, указывая путь к какому-то важному месту.

Внезапно, когда он уже начал думать, что лес будет тянуться бесконечно, деревья расступились, словно по мановению

вению волшебной палочки, и он вышел на большую, залитую солнцем поляну. В самом центре этой поляны, словно древний, могучий страж, охраняющий покой этого места, возвышался огромный, невероятных размеров дуб, возраст которого, казалось, исчислялся не годами, а столетиями.

Он был настолько стар, что его кора, испещренная глубокими трещинами и морщинами, напоминала морщинистое, умудренное опытом лицо древнего великана, а его раскидистая, необъятная крона укрывала собой целый мир, создавая под собой прохладную тень и защищая от палящего солнца. Его мощные, мускулистые ветви, похожие на руки титана, тянулись к солнцу, а корни, словно гигантские, покрытые чешуей змеи, уходили глубоко в землю, надежно закрепляя этого исполина на его месте. Это было место силы, место покоя, место, где время, казалось, замирало, останавливая свой неумолимый бег. Олег остановился, пораженный этим величественным зрелищем, и на мгновение забыл обо всем на свете.

Ноги, словно сами собой, привели его к подножию дерева, к тому месту, где земля была устлана мягким, бархатистым мхом, а от теплого, нагретого солнцем ствола веяло живым теплом, накопленным за долгий день. Олег сбросил с плеч свой старый плащ и, не раздумывая, лег на спину, раскинув руки в стороны, словно желая обнять весь мир. Глаза

его устремились в небо, в эту бесконечную, манящую синеву, которая просвечивала сквозь ажурную листву дуба.

Сквозь шевелящуюся, живую листву он смотрел на бесконечную синеву, и ему казалось, что он парит в этом бескрайнем пространстве, оторвавшись от земли и от всех своих проблем. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь крону, рисовали на его лице причудливые, постоянно меняющиеся узоры, словно играя с ним в какую-то древнюю, ведомую только им игру. Ветер, тихий и ласковый, шелестел листьями, и этот звук, похожий на убаюкивающую мелодию, проникал в самое сердце, успокаивая и умиротворяя.

Мир сузился до этого клочка земли, до этого дерева и этого неба, и в этом сужении не было ничего плохого — наоборот, оно дарило ощущение невероятной защищенности и покоя. Все проблемы, вся суета, все его «Абсолютное Время», все его многолетние поиски и неудачи — все это вдруг показалось мелким и незначительным по сравнению с этой величественной картиной природы.

Мысли его текли свободно, не скованные рамками формул, теорий и гипотез, словно ручей, освободившийся от ледяных оков зимы. Он думал о времени — но не о том, которое пытался поймать в колбы, запечатать в круги и описать уравнениями, а о том, которое текло здесь, над ним, вместе

с облаками, вместе с ветром, вместе с его собственным дыханием.

Оно было везде и нигде, оно пронизывало все сущее, но при этом оставалось неуловимым и непостижимым. В шелесте листьев, в движении теней, в стуке его собственного сердца, который постепенно замедлялся, успокаиваясь, входя в унисон с ритмом природы, — во всем этом было время, живое, дышащее, настоящее. Он ощущал, как с каждым вдохом его тело наполняется этим самым временем, как оно проникает в каждую клеточку, в каждый атом, становясь частью его самого.

Он закрыл глаза, и перед внутренним взором не было ни формул, ни гербариев, ни пентаграмм, ни схем запретных ритуалов. Была только тьма, мягкая, глубокая и успокаивающая, как колыбель, в которой он мог наконец-то отдохнуть. Он словно растворился в этой тьме, перестал быть отдельной личностью, отдельным существом, став частью чего-то большего, частью этого мира, лежащего под старым дубом. Он не знал, сколько так пролежал — минуты, часы, а может быть, и вовсе мгновения, потому что время потеряло для него всякое значение, перестало существовать как категория. Оно слилось с его дыханием, с биением его сердца, с шелестом листьев над головой.

Когда он открыл глаза, то почувствовал, что солнце уже не так высоко, как прежде, и что свет его стал мягче, золотистее, теплее. Небо на западе окрасилось в нежные розовые и оранжевые тона, а облака, еще недавно белоснежные, теперь казались сотканными из чистого золота. Вечер был не за горами, и это означало, что он провел под дубом несколько часов, хотя ему казалось, что прошло лишь несколько мгновений. Он сел, прислонившись спиной к теплomu, все еще хранящему солнечное тепло стволу дуба, и впервые за долгое, очень долгое время в его голове не было той звенящей пустоты, которая следует за нервным истощением и которая так долго была его постоянным спутником. Вместо нее появилась какая-то удивительная, хрупкая, почти невесомая ясность, которая, словно утренний туман, рассеивала мрак его мыслей.

Он не нашел ответ на свой вопрос — да он и не искал его здесь, в этом лесу, под этим дубом. Но он понял нечто гораздо более важное: он понял, что путь к Абсолютному Времени, каким бы он ни был, не может лежать через отрицание мира, через отречение от жизни, через затворничество в мрачной лаборатории. Формула не может быть выведена в отрыве от той реальности, которую она описывает, а реальность эта — вот она, вокруг него, в каждом листке, в каждой травинке, в каждом дуновении ветра.

Он вспомнил, как Аня однажды, смеясь своим звонким, заразительным смехом, сказала ему: «Ты ищешь то, что у тебя уже есть. Ты просто не видишь этого, потому что смотришь не туда». Тогда он отмахнулся от ее слов, посчитав их женской интуицией, сентиментальной чепухой, не имеющей ничего общего с настоящей наукой. Он был так уверен в своей правоте, в своем методе, в своем пути, что не удосужился даже задуматься над ее словами. Теперь же, в этот тихий вечерний час, под сенью векового дуба, когда мир замер в предвкушении ночи, ее слова обрели новый, пугающий, почти пророческий смысл.

Что, если все его опыты были лишь попыткой объять необъятное механически, попыткой постичь живое с помощью мертвых инструментов? Что, если Время — это не то, что можно измерить, заключить в сосуд или описать уравнением, не то, что можно поймать и удержать? Что, если это живая, дышащая субстанция, сотканная из бесконечного множества нитей, переплетение которых и есть сама жизнь, сама ткань бытия? А он, как слепой, пытался ухватить руками свет, не понимая, что свет можно только почувствовать, только впустить в себя, только стать его частью.

Эта мысль, эта внезапная догадка, была и пугающей, и освобождающей одновременно. Она разрушала всю его прошлую работу, все его многолетние труды, все его теории и

гипотезы, но, в то же время, открывала перед ним бесконечный новый горизонт, полный неизведанных возможностей. Горизонт, в котором нет места догме и есть место сомнению. Горизонт, к которому ведет не расчет, а созерцание, не формула, а чувство, не усилие, а принятие. И этот горизонт одновременно манил его и пугал своей неизвестностью.

Он поднялся с земли, и тело его затекло от долгого лежания, заныло, словно протестуя против резкого движения. Но эта боль была приятной, физической, она возвращала его к реальности, к жизни, к самому себе. Он подобрал свой старый плащ, отряхнул его от прилипших листьев и в последний раз окинул взглядом поляну, стараясь запечатлеть в памяти каждую деталь. Старый дуб, освещенный закатными лучами, казался отлитым из чистой бронзы, и его кора блестела, словно покрытая тонким слоем золота. Он был свидетелем многих поколений, многих жизней и смертей, и он будет стоять здесь, на этой поляне, когда самого Олега уже не будет на этой земле. Он был живым воплощением того самого времени, которое Олег так отчаянно пытался заключить в формулу, и он, этот дуб, был лучшим доказательством того, что время невозможно удержать, но можно прожить.

Он пошел обратно, в город, ступая по мягкой лесной подстилке, и шел медленно, не от усталости, а потому что боялся расплескать то хрупкое состояние покоя и ясности, кото-

рое обрел под дубом. Лес провожал его вечерними запахами, более густыми, более таинственными, более насыщенными, чем дневные. Деревья отбрасывали длинные, причудливые тени, которые, переплетаясь, создавали на земле сложные, загадочные узоры. Лес жил своей скрытой, ночной жизнью, и эта жизнь, невидимая днем, теперь пробуждалась, наполняя воздух шорохами и едва уловимыми звуками.

В городе уже зажигались огни, и окна домов светились теплым, уютным, манящим светом, обещающим покой и отдых. Олег шел по знакомым улицам, но они казались ему другими, словно он видел их впервые, словно за время его отсутствия они успели измениться. На углу у булочной он увидел группу людей, оживленно беседующих о чем-то, и их голоса, их смех, их жесты казались ему удивительно живыми и настоящими. Из открытых дверей трактира доносилась музыка и взрывы смеха, и этот шум, который раньше раздражал его, теперь казался ему музыкой жизни. Вся эта простая, обыденная жизнь, со всеми ее радостями и печальми, вдруг показалась ему удивительно ценной и настоящей, а его затворничество — бегством от нее, бегством от самого себя.

Подойдя к своему дому, который темным силуэтом вырисовывался на фоне вечернего неба, он на мгновение остановился, словно собираясь с духом. Дом стоял темный, молчаливый и неприветливый, словно старый, всеми забытый

склеп, и его мрачный вид был разительным контрастом тому, что Олег чувствовал внутри себя. Ему не хотелось возвращаться в эту темноту, к своим пыльным фолиантам и несбывшимся надеждам, но это был его дом, его крепость, его убежище, и он не мог просто так от него отказаться.

Он отпер дверь, которая на этот раз поддалась легче, словно смирившись с его возвращением, и вошел внутрь. Тишина встретила его, как старая, верная знакомая, но теперь она не давила, не угнетала, не навевала тоску. Он прошел в лабораторию, которая была все такой же, какой он ее оставил несколько часов назад: тот же хаос из бумаг, книг и инструментов, тот же запах пыли и старых рукописей, та же атмосфера запустения и одержимости. Солнечный луч уже давно погас, и комната погрузилась в густые, вязкие сумерки.

Олег зажег лампу, и мягкий, желтоватый, слегка дрожащий свет залил стол, выхватив из темноты исписанные листы бумаги, разложенные в кажущемся беспорядке. Он подошел к столу и взял один из листов, исписанный его собственным, убористым, нервным почерком. Формулы, исправления, пометки на полях, стрелки, соединяющие отдельные блоки текста, — все это было свидетельством его титанической, но бесплодной работы. Семь лет жизни, уместившиеся на клочке бумаги.

Он медленно, словно прощаясь с чем-то дорогим, скомкал лист и швырнул его в корзину для мусора, стоящую под столом. Затем взял следующий лист. И следующий. И еще один. Один за другим он отправил туда все свои записи, касающиеся «Абсолютного Времени», все свои труды, все свои надежды и разочарования. Схемы ритуалов, выписки из трактатов, графики небесных тел, таблицы соответствий — все полетело в темную утробу корзины, которая постепенно наполнялась бумажными комьями. Это был не акт отчаяния, как можно было бы подумать, глядя на эту картину со стороны. Это был акт освобождения, акт отказа от ложного пути, от мертвой догмы, от всего того, что сковывало его и не давало двигаться дальше. Он не отказывался от своей цели, он отказывался от средства, которое было ошибочным.

Когда со столом было покончено, он подошел к окну и снова распахнул его, впуская в комнату ночную прохладу. Ночной воздух, прохладный, свежий, напоенный ароматами ночных цветов, ворвался в помещение, вытесняя запахи пыли, старых книг и разочарования. Небо над городом было усыпано звездами, яркими, мерцающими, словно драгоценные камни, рассыпанные по черному бархату. Огромное, черное, бесконечное полотно, на котором светились далекие солнца, миры, возможно, населенные разумными существами. Глядя на них, Олег снова почувствовал то же умиротворение, то же чувство сопричастности к чему-то большему,

что он испытал под дубом.

Он понял, что сегодняшний день стал переломным, стал точкой невозврата, после которой его жизнь уже никогда не будет прежней. Рухнули старые стены, в которые он сам себя замуровал, развеялись старые иллюзии, которым он так долго предавался. Впереди был неизвестный, пугающий, но манящий путь, полный новых открытий и новых испытаний. И первый шаг на этом пути он уже сделал, выйдя сегодня из дома. Второй шаг он сделал, выбросив свои записи, свои старые, отжившие свое идеи. Третий шаг... Третий шаг он сделает завтра, и он знал, каким будет этот шаг.

Он не знал, куда приведет его этот новый путь, не знал, найдет ли он то, что так долго искал, не знал, какие препятствия и опасности ждут его впереди. Но теперь, стоя у распахнутого окна и глядя на звезды, мерцающие в ночном небе, он был готов к этому путешествию, готов ко всему, что оно ему принесет. Он больше не был затворником, он был путником, идущим по дороге жизни. И первым городом на его пути, первой остановкой в его новом путешествии должна была стать она. Аня. Его друг, его совесть, его катализатор. Он должен был увидеть ее, поговорить с ней, объяснить ей все, что с ним произошло. Завтра же, с первыми лучами солнца.

Он отошел от окна и, не раздеваясь, лег на старый, продавленный диван, стоящий в углу лаборатории. Сон пришел быстро, без сновидений, глубокий и спокойный, как тот лес, который он покинул несколько часов назад. Последняя мысль, промелькнувшая в его засыпающем сознании, была не о времени, не о формулах, не о магии. Она была о тепле. О тепле человеческого голоса, который он так давно не слышал. О тепле человеческой улыбки, которую он так давно не видел. Это была мысль об Ане, о ее звонком смехе, о ее лучистых глазах, о ее неиссякаемой вере в него. И с этой мыслью, с этим образом, он уснул, зная, что утро начнется не с уравнений, а с шага навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.